

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА СРЕДНЕГО КЛАССА В РОССИИ

ГОРШКОВ Михаил Константинович - доктор философских наук, генеральный директор Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП).

Начавшийся в августе 1998 г. кризис привел к возникновению как в среде профессиональных социологов, так и в особенности в средствах массовой информации точки зрения об исчезновении среднего класса. Не остались в стороне и солидные европейские органы печати. Так, еще весной 1998 г. "Ди цайт" поместила огромный материал под названием "Новый средний класс в России", который начинался со слов: "В России родился Иван - нормальный потребитель. Он ездит на "Фиесте" и проводит отпуск на Адриатике. Восемьдесят лет спустя после Октябрьской революции снова происходят революционные изменения: складывается буржуазный средний слой"¹. Не прошло и года, и вот уже "Нойе цюрхер цайтунг" публикует статью двух российских экспертов о судьбе среднего класса в России, во вводной части которой говорится: "Сегодня общепринятым является утверждение о том, что в России больше нет среднего класса, правда, при этом остается не проясненным вопрос о том, а существовал ли он вообще когда-нибудь, или же мы имеем дело с призраком"².

Так что же: был ли мальчик? Или был, но в одночасье сгинул? Если последняя точка зрения верна, то отсутствие сколько-нибудь заметных форм протеста со стороны исчезнувшего среднего класса заставляет предполагать, что он ушел "по-английски", не попрощавшись. Что это — результат отсутствия институтов гражданского общества, через которые средний класс мог бы отстаивать свои интересы? Следствие традиционной покорности судьбе загадочной "русской души"?

А может быть, слухи о преждевременной смерти среднего класса сильно преувеличены? Иначе как понять, что по мере предвыборного оживления практически все политические силы России соревновались друг с другом в обещаниях выразить и начать энергично отстаивать интересы именно среднего класса (вариант: средних слоев, самостоятельного сословия и т.д.) - ведь не как проявление некрофилии?

Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо прежде всего уточнить, что имеется в виду под "средним классом". Не уходя в длительное обсуждение этой проблемы, отметим лишь, что в странах с развитой рыночной экономикой и демократическим политическим строем под средним классом подразумевают ту часть общества, которая занимает "средние" - между "верхами" и "низами" - статусные позиции, составляя наибольшую по численности социальную группу, и выполняет ряд функций, важнейшими из которых являются функции социального "стабилизатора" общества и источника воспроизводства квалифицированной рабочей силы³.

Согласно общепринятому в зарубежной социологической литературе подходу, различают три основных класса современного индустриального общества: высший, средний и рабочий. В последнее время все чаще выделяют и четвертый класс - низший. Низший класс состоит из нуждающихся в социальной помощи по имущественному статусу, а также инвалидов и деклассированных индивидов⁴.

В западной социологии обычно применяют два критерия определения класса - субъективный и объективный. *Субъективный* основан на принципе "самоидентификации", то есть исходит из мнений самих членов общества относительно того, к ка-

кому социальному слою (классу, страте) они принадлежат, или из самозачисления индивида в тот или иной класс. *Объективный* критерий, используемый социологами, основан на признаках, не зависящих от мнения индивида. Таких признаков в сущности два: характер деятельности (труда) и величина доходов.

В Англии, например, с 1981 г. принята следующая классификация по характеру трудовой деятельности согласно Генеральному Регистру (статистический учет населения):

1) осуществляющие профессиональную (высокопрофессиональную) деятельность; 2) выполняющие временные (сезонные) работы; находящиеся в стадии выбора профессии; 3) выполняющие квалифицированный нефизический труд; 4) выполняющие квалифицированный физический труд; 5) выполняющие работу, не требующую высокой квалификации; 6) выполняющие неквалифицированную работу (разнорабочие).

Считается, что граница между средним и рабочим классом проходит *между* третьей и четвертой группами. При этом, правда, предполагается, что в стабильном обществе как уровень дохода, так и социальный статус человека решающим образом зависят от характера трудовой деятельности. В России, однако, в 90-е гг. развернулась масштабная ломка сложившейся социально-экономической системы, а потому и прежней статусной иерархии. Если применить вышеприведенную классификацию к нашей действительности, то станет очевидным, например, что значительная часть представителей 1-й и 3-й категорий, занятых в государственном секторе оказались - в силу "усыхания" бюджета и деградации ряда направлений государственной политики доходов и социальной политики вообще - отброшенными по уровню доходов и жизненным стандартам за границы средних слоев. И, напротив, некоторые представители 4-й и 5-й групп совершили заметное социальное восхождение.

Второй объективный показатель - доход - более точен, но его труднее зафиксировать в количественном отношении, поскольку необходимо учитывать не только поддающиеся исчислению первичные доходы, включая заработную плату, предпринимательский доход и ренту, но и социальные трансферты, льготы и прочее.

Особую сложность представляет определение уровня дохода в нынешнем российском обществе, где, во-первых, сохраняются весьма существенные государственные дотации, которыми пользуются в том числе и представители отнюдь не обездоленных слоев общества - на жилье, общественный транспорт и т.п., - существенно искажающие картину. Во-вторых, в силу ряда причин, которые и слишком сложны, и достаточно хорошо известны, чтобы на них здесь останавливаться (масштабы теневой экономики и т.п.), уровень реальных денежных доходов россиян, особенно относительно состоятельных слоев общества, значительно превышает официально декларируемые цифры.

В принципе противоречия между обоими критериями выделения среднего класса нет, поскольку на больших выборочных совокупностях, особенно в устойчивых, стабильно функционирующих общественных системах, значимых расхождений между объективным местом той или иной группы в общественном разделении труда, определяемым главным образом размером дохода, и самооценкой своего социального статуса, не наблюдается. Но так ли это в российском обществе, находящемся в процессе системной трансформации? Очевидно, что несовершенство статистики доходов и имущественного состояния граждан, неустойчивость и интенсивная хаотичная динамика размеров доходов у значительных групп населения приводят к тому, что объективный критерий выделения среднего класса может быть использован только в качестве уточняющего, дополняющего данные, полученные в результате самозачисления опрошенных в те или иные социальные слои и классы.

Исходя из этих соображений, в ходе всероссийского исследования "Средний класс в постсоветской России: происхождение, особенности, динамика"⁵, осуществлявшегося в рамках многолетнего сотрудничества Российского независимого института социальных и национальных проблем и московского представительства Фонда им. Ф. Эберта (руководитель - д-р Петер Шульце)⁶, было принято решение воспользоваться сочетанием двух критериев - субъективного (по самооценке своего социального

статуса) и объективного (главным образом - по показателю среднедушевого дохода). Были получены также данные о характере работы представителей среднего класса. Они хорошо дополняют, но в целом не меняют картину, полученную при группировке по субъективному критерию.

Как проводилось наше исследование среднего класса? В ходе всероссийского социологического опроса, проведенного в феврале-марте 1999 г., в выборку были включены представители девяти социально-профессиональных групп в составе взрослого населения России, относительно которых можно было предполагать, что по своему объективному месту в общественной системе и самосознанию они в значительной части формируют костяк среднего класса: квалифицированные рабочие; техническая интеллигенция; гуманитарная интеллигенция; работники сферы торговли, услуг, транспорта; служащие (госслужащие, банковские служащие, юристы и т.д.); предприниматели малого бизнеса; фермеры; кадровые военные (старшие офицеры); менеджеры (руководители высшего и среднего звена).

В качестве второго критерия при формировании выборки использовался среднедушевой доход - для интервьюирования отбирались, как правило, респонденты, заявившие, что данный показатель составляет у них не ниже 1000 рублей в месяц на одного члена семьи.

На основании сочетания этих двух принципов строилась первоначальная выборочная совокупность исследования среднего класса, в которую вошли 1765 человек. Пропорции подвыборочных совокупностей в регионах были взяты на основании вышеуказанных параметров с учетом данных, полученных в ходе мониторингового общероссийского опроса населения, проведенного ранее, в январе 1999 года.

Межгрупповой анализ был осуществлен на основе подмассивов социальных групп, а анализ подмассивов по территориально-экономическим районам опущен из-за статистически малой величины подвыборки в ряде регионов (объективная пропорция).

При разработке программы и гипотезы исследования учитывалось также, что средний слой российского общества не может быть гомогенным: в условиях системной трансформации, усиления имущественной и социальной дифференциации, возникновения новых секторов экономики и новых профессий, он естественным образом "расслаивается" на ряд социальных образований. В этой связи для удобства анализа результатов исследования мы выделили *три слоя среднего класса - верхний*, по своему положению являющийся переходным к высшему (элитному) классу общества; *средний* (собственно средний класс) и *нижний* (некоторые отечественные исследователи еще называют его "базовым слоем общества", имея в виду его многочисленность).

После проведения исследования примерно 10% первичного массива были выделены в группу, не попадающую по большинству параметров материального характера и по самозачислению (самооценке социального статуса) в средние слои общества, под условным названием "бедные". Данные по этой части массива опрошенных были использованы для сопоставительного анализа.

Необходимо отметить также, что для определения социального статуса в самооценке респондента (субъективный подход) нами использовался широко применяемый во всем мире тест интегральной самооценки положения человека в обществе по десятибалльной шкале. Выбор респондентами на этой шкале цифры "1" обозначает самоотнесение на высшую статусную позицию в обществе, а выбор цифры "10" - на низшую статусную позицию.

Для оценки результатов данного теста десять статусных позиций обычно разбивают на группы. В нашем исследовании первая группа включала 1—3 позиции, а те респонденты, которые причисляли себя к ним, относились к верхнему слою среднего класса. Вторая группа включала 4-6 позиции и объединяла тех, кто относился к среднему слою среднего класса, кого собственно и принято называть "средним классом". Третью группу составляли те, кто занимал 7-8 статусные позиции и могут быть охарактеризованы как нижний слой среднего класса. Наконец, в четвертую группу входили те респонденты, которые идентифицировали себя с 9 и 10 позициями и

Самозачисление опрошенных в различные социальные слои (классы), в % от опрошенных

Статусные позиции	По данным исследований		
	Россия 1998 г.	Россия 1992 г.	17 стран Европы и Северной Америки 1991-1993 гг.
<i>Верхний слой СК</i>			
1 позиция	0,0	0,4	0,8
2 позиция	0,5	0,5	1,0
3 позиция	2,8	1,9	5,7
ИТОГО	3,3	2,8	7,5
<i>Средний слой СК</i>			
4 позиция	4,3	5,9	12,5
5 позиция	7,3	25,3	28,3
6 позиция	12,4	17,6	18,1
ИТОГО	24,0	48,8	58,9
<i>Нижний слой СК</i>			
7 позиция	16,3	17,3	13,5
8 позиция	20,9	13,1	10,0
ИТОГО	37,2	30,4	23,5
<i>Бедные</i>			
9 позиция	21,4	9,2	5,5
10 позиция	14,1	8,8	4,6
ИТОГО	35,5	18,0	10,1

относились к "низшему классу", бедным слоям населения. Такая разбивка шкалы была выбрана после предварительного анализа полученных данных, который показал, что "переломы" в позициях по важнейшим вопросам, свидетельствующие о различиях этих слоев между собой, приходились именно на 4, 7 и 9 градации десятибалльной шкалы.

Результаты подобного тестирования, осуществленные в предыдущие годы, представлены в таблице 1 (в сопоставлении с результатами международного исследования The International Social Survey Programme "Social Inequality II"⁷ (ISSP-1992), проводившемся в 1992 г. в 17 странах Европы и Северной Америки)*.

Как видно из таблицы, еще в 1992 г. доля в российском обществе тех граждан, которые по своим самоощущениям относили себя к среднему классу, была вполне сопоставима с тем, что имело место в развитых странах Европы и Северной Америки. Однако к 1998 г. доля россиян, зачисляющих себя в средний класс, уменьшилась в два раза и составила 24,0%.

Нынешнее исследование показало, что немалое число российских граждан продолжает относить себя к среднему классу и после кризиса 1998 г. Но возникает вопрос: насколько это обоснованно? Чем руководствуются россияне при определении своего социального статуса? Наконец, соответствуют ли их самоощущения объективному положению? Ведь при заниженных потребностях или завышенных амбициях люди могут относить себя к среднему классу, не имея на то необходимых оснований.

Анализ данных настоящего исследования позволил сделать вывод о том, что наибольшее значение для самооценки респондентами своего социального статуса, а, следовательно, и принадлежности их к тому или иному социальному слою имели:

- 1) самооценка материального положения по сравнению с положением окружающих,
- 2) степень удовлетворенности своим положением в обществе,
- 3) представления о

* Для удобства изложения здесь и далее термин "средний класс" указывается через аббревиатуру "СК".

Самооценка материального положения в сравнении с окружающими и удовлетворенность своим положением в обществе, в % от опрошенных

Позиции ответов	Верхний слой СК	Средний слой СК	Нижний слой СК	Бедные
Положение в настоящее время				
Значительно лучше, чем у окружающих	45,8	7,7	0,8	1,3
Несколько лучше	39,6	49,0	20,9	9,7
Такое же	12,5	39,2	58,9	42,2
Несколько хуже	1,1	4,0	17,1	34,5
Значительно хуже, чем у окружающих	1,0	0,1	2,3	12,3
Степень удовлетворенности				
Удовлетворены	60,4	19,7	3,8	1,9
Скорее удовлетворены	35,4	40,5	19,1	9,7
Скорее неудовлетворены	2,1	23,4	41,9	27,9
Не удовлетворены	1,0	8,1	25,2	51,3
Затруднились с ответом	2,1	8,3	10,0	9,2

Таблица 3

Представления о возможном материальном положении в сравнении с окружающими через 2-3 года, в % от опрошенных

Положение через 2-3 года	Верхний слой СК	Средний слой СК	Нижний слой СК	Бедные
Значительно лучше, чем у окружающих	43,7	11,9	1,4	1,3
Несколько лучше	39,6	38,8	16,7	8,4
Такое же	14,6	44,5	62,7	42,9
Несколько хуже	2,1	3,6	13,5	24,7
Значительно хуже, чем у окружающих	0,0	1,2	5,7	22,7

том, каким будет собственное материальное положение по отношению к окружающим через 2-3 года.

Как видно из таблиц 2 и 3, каждый из выделенных слоев характеризуется качественно различными социальным статусом и социальным самочувствием. Представители верхнего слоя СК не только живут заметно лучше окружающих и в значительно большей степени удовлетворены своей жизнью, но и их взгляды на будущее отличает гораздо больший социальный оптимизм. Что же касается среднего слоя СК, т.е. собственно среднего класса, то он не столь оптимистичен, хотя половина его все же рассчитывает на сохранение достаточно высоких статусных позиций. Слои же, занимающие в социальной иерархии более низкие позиции, отличаются гораздо большей неудовлетворенностью своей нынешней жизнью и пессимизмом в отношении будущего.

Среди других важнейших факторов, определявших самооценку россиянами социального статуса, была также общая самооценка своего нынешнего материального положения (см. таблицу 4).

Как видим, те, кто отнес себя к высокообеспеченным, в большинстве своем по социальному статусу относились к верхнему слою СК. Большинство среднеобеспеченных отнесли себя к собственно среднему классу, низкообеспеченных - к нижним слоям СК, а находящихся за чертой бедности - к бедным.

**Оценка своего социального статуса в зависимости от самооценки материальной обеспеченности,
в % от опрошенных**

Статус	Высоко-обеспеченные	Средне-обеспеченные	Низко-обеспеченные	За чертой бедности
Верхний слой СК	59,6	5,7	0,5	7,1
Средний слой СК	38,3	63,5	26,4	7,1
Нижний слой СК	2,1	28,0	55,0	32,2
Бедные	0,0	2,8	18,1	53,6

Таблица 5

Уровень душевого дохода в Группях с разной оценкой своего социального статуса, в % от опрошенных

Душевой доход	Верхний слой СК	Средний слой СК	Нижний слой СК	Бедные
До 1000 руб.	6,4	12,1	25,2	30,1
От 1000 до 1500 руб.	12,7	25,1	36,2	41,7
От 1500 до 3000 руб.	26,6	37,9	30,1	25,5
От 3000 до 5000 руб.	26,6	18,1	6,8	2,0
Свыше 5000 руб.	27,7	6,8	1,7	0,7

Учитывая данные таблицы 5, можно считать, что за условную нижнюю границу среднего класса по состоянию на март 1999 г. для России в целом может быть принят душевой доход в 1500 рублей, поскольку 62,8% тех, кто отнес себя к среднему классу, имели душевой доход свыше этой суммы.

Такой показатель может выглядеть весьма скромным в сравнении с уровнем душевого дохода, характерного для основной массы среднего класса Запада. Однако в России все еще значительным остается масштаб социальных трансфертов, которые получают все слои населения, независимо от уровня дохода - низкая квартплата, низкая стоимость проезда на транспорте и т.п. Если пересчитать ту долю семейного бюджета, которую, например, представитель российского среднего класса тратит на эти цели, в сопоставимые со средневропейским уровнем цены, то придется как минимум удвоить, а то и утроить уровень текущего душевого дохода.

Кроме того, необходимо отдавать себе отчет, что выявленная в ходе исследования величина среднедушевых доходов носит в целом заниженный характер и во многом не учитывает теневых источников доходов, в частности, связанных с вторичной занятостью и рентой.

Судя по данным, полученным в ходе исследования, душевой доход в 3000 рублей и более (в самооценке!) являлся той гранью, которая отделяла собственно средний класс от верхнего слоя среднего класса. Выше этой границы поставили себя 54,3% представителей верхнего слоя СК.

Как показало проведенное исследование, различия между тремя слоями, условно отнесенными нами к средним слоям российского общества, прослеживаются во всем, а не только в их имущественном положении. Вот почему выделение различных социальных слоев в качестве рабочей гипотезы было, на наш взгляд, оправдано. Во всяком случае, это позволило дать более дифференцированную картину средних слоев современного российского общества и более обоснованно определить, кто из них может реально претендовать на звание "среднего класса".

В целом, опираясь на полученные данные, можно сказать, что процесс формирования среднего класса, способного жить в условиях рыночной экономики и демократии, в России все-таки идет, хотя и крайне противоречиво. И дело не только в том, что за короткий исторический срок качественно изменить социальную структуру общества, складывающуюся десятилетиями, сформировать устойчивое самостоятельное и в экономическом, и в политическом отношении сословие очень трудно. Проблема - в самом качестве нынешнего "рынка" и "демократии". Когда реформы буксуют, а разочарование в демократических идеалах постперестроечных времен налицо, растут социальная поляризация и отчуждение граждан от общества и государства. Получается, что сама логика осуществления российских реформ - против создания в стране мощного среднего класса.

Тем не менее, наш анализ показывает, что даже при неблагоприятных экономических условиях в России есть социальные слои, которые по общепринятым критериям (душевой доход, социальный статус, стандарты потребления, образование и др.) могут быть отнесены к среднему классу. Причем если до кризиса 1998 г. к нему, по данным всероссийского мониторинга РНИСиНП июля 1998 и марта 1999 гг., можно было отнести до 25% трудоспособного населения, то ныне к его составу могут быть причислены около 18% россиян (1,0-1,5% представители верхнего и 16-17% - среднего слоя СК; особо следует подчеркнуть, что по результатам исследования *группа, первоначально охарактеризованная нами на уровне гипотезы как нижний слой СК, в современных российских условиях к среднему классу отнесена быть не может, и в этом важное отличие России от западных обществ*). В абсолютных цифрах - это не менее 12-15 миллионов взрослого населения. Как видно, несмотря на всю глубину негативного воздействия кризиса на российское общество, прослойка в нем среднего класса выстояла, продолжает жить и работать.

Чувствуют это и средства массовой информации, тон выступлений которых, в отличие от осени 1998 г., начал заметно меняться. Менее чем через год после кризиса "Московский комсомолец" уже отмечал: "Помнится, в августе 98-го страна с мрачным восторгом праздновала кончину среднего класса. Время идет, жизнь проходит, а похороны этого среднего класса затянулись до неприличия. После семи месяцев траурных маршей возникло смутное подозрение, что часть общества, приговоренная кризисом к смерти, оклемалась. Пovyлезала из гробов и опять принялась. За свое"⁸.

И, как показало наше исследование, российский средний класс действительно обладает рядом качеств, которые позволяют говорить о его высокой "живучести", сопротивляемости неблагоприятным условиям.

Это - высокий по сравнению с другими слоями общества уровень адаптированности к рыночной экономике, позволяющий реализовывать экономическую стратегию, в которой значительное место принадлежит предпринимательской деятельности и самозанятости.

Это - высокая социальная мобильность и гибкость, ориентация на максимальное использование своих ресурсов, главными из которых являются высокое качество рабочей силы и готовность к дальнейшему повышению стоимости своего "человеческого капитала".

Это - иное, по сравнению с другими слоями общества, отношение к государству. На фоне довольно распространенного в обществе патернализма представители среднего класса в большей степени склонны полагаться на собственную активность как необходимое и естественное условие жизненного успеха. Их отличает прагматическое отношение к государству, т.е. отношение к нему в первую очередь как к "верховному арбитру", обеспечивающему стабильность и соблюдение "правил игры".

Это, наконец, наличие ряда ценностей, разделяемых большинством представителей среднего класса, - ориентация на социальное рыночное хозяйство, ценности индивидуальной свободы, приоритет частной собственности и ряд других.

Одновременно с этим анализ результатов исследования свидетельствует о том, что, если наличие среднего класса как элемента социальной структуры общества не

вызывает сомнения, то процесс его становления как относительно целостной социальной общности в России еще далек от завершения.

Во-первых, нынешний средний класс представляет собой своеобразный "перекресток" мобильных слоев, когда самые интенсивные подвижки в обществе происходят либо внутри средних слоев, либо между ними и другими слоями общества. Отсюда - трудности с попытками четко зафиксировать границы среднего класса, которые подвижны и изменчивы.

Во-вторых, в настоящих условиях группы и слои, составляющие средний класс, весьма гетерогенны как по социальному происхождению, так и по месту в системе общественного разделения труда. Это и "служивый люд" - прежде всего, чиновничество, управленцы среднего и частично высшего звена, высший и средний персонал бюджетной сферы, т.е. слои, прямо или опосредованно обслуживающие государство; это менеджеры высшего и среднего звена; это и представители малого и среднего предпринимательства, включая семейный бизнес, самозанятых и фермеров; это, наконец, и некоторые слои технической и гуманитарной интеллигенции, а также рабочие высокой квалификации.

Характерно, что доля государственной бюрократии и занятых в государственном секторе в российском среднем классе значительно выше, а доля управленцев и предпринимателей - ниже, чем в западных обществах. Однако устойчиво принадлежат к среднему классу, пожалуй, лишь управленцы, предприниматели и самозанятые. Специфика нынешней ситуации в переходном российском обществе заключается в том, что принадлежность ко всем остальным социально-профессиональным группам отнюдь не гарантирует попадания и закрепления в среднем классе.

Примечательно, что от 65 до 75% нынешнего российского среднего класса занимали аналогичную ступень социальной лестницы и в начале периода рыночных реформ. Таким образом, обновление его происходит не столько за счет притока из других слоев общества, сколько за счет адаптивных способностей представителей позднесоветского среднего класса. Поэтому сегодня в России средний класс, с одной стороны, весьма лабилен, а с другой, - представляет собой конгломерат социально-профессиональных групп, интересы которых в сложившихся условиях трудно привести к "общему знаменателю". К тому же, на разнохарактерность профессиональных интересов накладываются факторы поколенческой и весьма высокой территориально-поселенческой дифференциации (что нетипично для устойчивых рыночных обществ).

Неоднороден средний класс и в имущественном отношении. В результате, как показало исследование, имея ряд точек соприкосновения на уровне базовых ценностей, по целому ряду позиций (в особенности, касающихся оценки как собственного положения, так и нынешнего положения страны и перспектив ее развития) различные слои среднего класса весьма существенно расходятся. Более того, в отличие от западных обществ, где нижний слой среднего класса составляет значительную, а то и подавляющую, причем довольно благополучную часть общества, в нынешней России данный слой — по своему статусу, доходу, уровню и качеству жизни, ментальным особенностям - гораздо ближе к бедным, чем к собственно среднему классу.

К факторам, препятствующим становлению среднего класса как целостной общности, следует отнести и явную ориентацию нынешней власти на интересы преимущественно верхнего слоя общества. Если на Западе главный ресурс среднего класса - прежде всего, его профессиональные опыт и знания, его "человеческий капитал", то в России эта логика оказалась деформированной: для многих, особенно в верхнем слое среднего класса, путь к успеху лежал не через накопление знаний и опыта, не через трудолюбие, а через близость к "большим деньгам" и связям. Невозможность реализации большинством представителей среднего класса своих социальных запросов блокирует формирование устойчивой, а, главное, общественно одобряемой модели поведения. В результате образ типичного представителя среднего класса - усердного работника, хорошего семьянина, добросовестного налогоплательщика, лояльного гражданина - пока не складывается.

Нет и явных признаков формирования в среднем классе групповой идентичности с точки зрения роста уровня самоорганизации, взаимодействия, причем даже по защите собственных интересов. Уровень востребованности легальных и легитимных каналов отстаивания интересов крайне низок, каждый объясняет только на себя, свои силы и на ближайшее окружение. Именно этим объясняется тот факт, что голос среднего класса практически не слышен ни в общественной, ни в политической жизни страны.

Таким образом, *российский средний класс - не фантом, но на сегодня это - молчаливое меньшинство.*

Каковы же условия превращения среднего класса в активного субъекта социальных преобразований? К их числу, на наш взгляд, относятся: рост в рамках социально-профессиональных групп и слоев, входящих в средний класс, доли экономически и социально активных граждан; формирование групповой идентичности, что предполагает не только кристаллизацию интересов, но и их формулирование, а значит, требует возрастания роли интеллектуальной элиты как выразительницы интересов и чаяний именно среднего класса; повышение в общественном мнении статуса образования, науки и культуры, престижа творческого высококвалифицированного труда; развитие горизонтальных связей, системы представительства интересов - если не в рамках всего среднего класса, что сегодня вряд ли реально, то хотя бы на уровне локальных сообществ, отдельных территорий и социально-профессиональных групп; усиление общественного влияния через формирование собственных социальных институтов (ассоциаций, объединений и т.п.) и мобилизацию в поддержку тех политических сил, которые ориентированы не столько на представительство узкогрупповых интересов, сколько на идею "общего блага".

Очень важно, как свидетельствуют данные исследования, что средний класс в России осознает реальную противоречивость всего многообразия представленных в обществе интересов, но при этом исходит из возможности их неконфликтного согласования. К тому же, присущее его представителям понимание "общего блага" - равенство стартовых возможностей, забота общества об обездоленных, простор для инициативы и предприимчивости экономически и социально активных граждан, - представляет собой хороший базис, на котором может основываться реальное общественное согласие. Поэтому при указанных выше условиях средний класс в состоянии выполнить функцию стабилизатора и балансира разнонаправленных общественных интересов в России, как это имеет место в ряде современных обществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Thumann M. Rupiands neue Mitte // Die Zeit. 2. April 1998. № 15 (Dossier).

² Schulus A., Wolkow J. Das Schicksal des Mittelstandes in Rutland. Zerschlagene Hoffnungen und sichtbare Zeichen des sozialen Abstiegs // Neue Zürcher Zeitung. 9/10. Januar 1999. № 6. S. 67.

³ См., например: *Заславская Т.И., Громова П.Г.* К вопросу о "среднем классе" российского общества // Мир России. 1998. № 4. С. 5-6.

⁴ См.: *Томпсон Дж.Л., Пристли Дж.* Социология. М.; Львов: Инициатива, 1998. С. 17.

⁵ Руководитель исследования - д.ф.н. М.К. Горшков. Зам. руководителя исследования - к.ф.н. Н.Е. Тихонова и д.э.н. А.Ю. Чепуренко. В исследовании участвовали также к.э.н. Л.Г. Бызов, Н.М. Давыдова, Т.Б. Обьеденнова, к.э.н. Е.И. Пахомова, к.ф.н. В.В. Петухов, к.ф.н. Ф.Э. Шереги. Расчет выборки, организацию полевых исследований осуществил Ф.Э. Шереги (Центр социального прогнозирования и маркетинга).

⁶ Это исследование продолжило серию исследований, посвященных важным аспектам развития постсоветской России, проведенных РНИСиНП в сотрудничестве с Фондом, в числе которых: "Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов" (1995), "Что думают русские о Германии и немцах?" (1996), "Молодежь новой России: какая она? Чем живет? К чему стремится?" (1997), "Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?" (1998).

⁷ Массив получен из Zentralarchiv für empirische Sozialforschung, Universität zu Köln. ZA № 2310.

⁸ См.: Московский комсомолец. 1999. 16 апреля. С. 7.